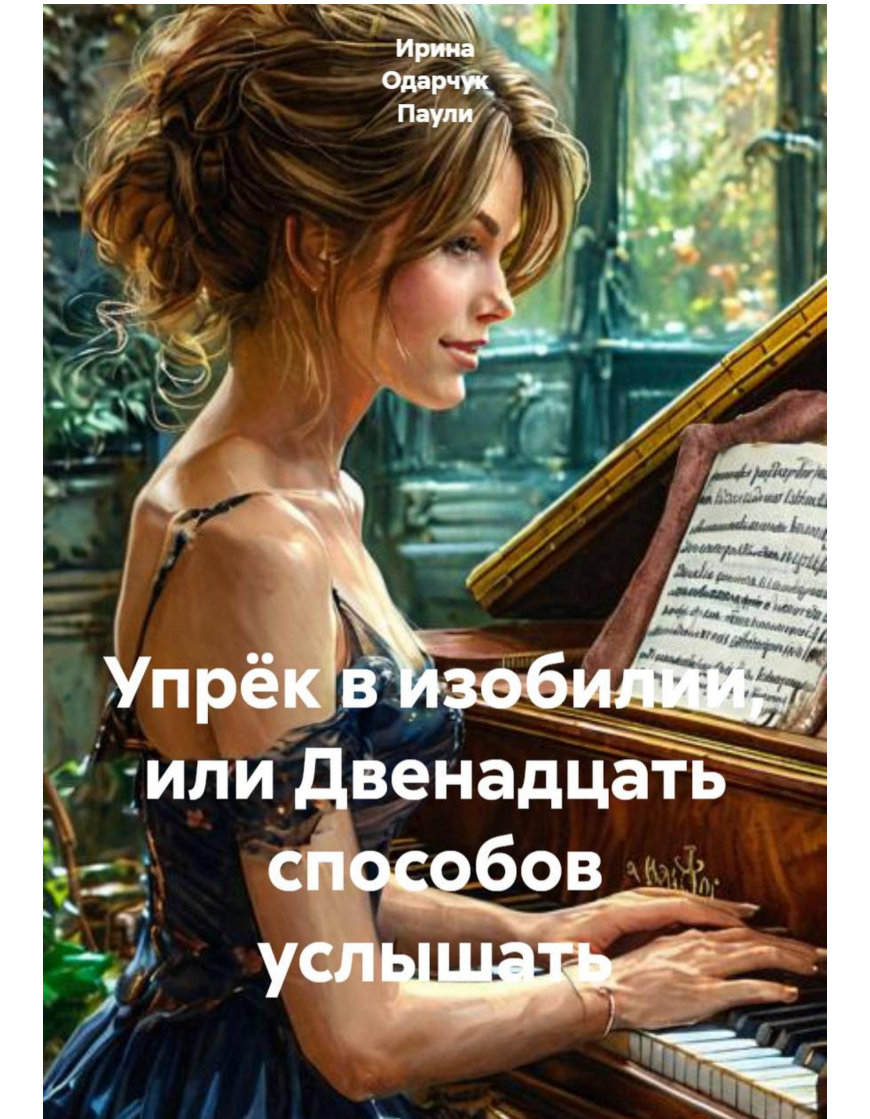

A detailed illustration of a woman with blonde hair styled in an updo, wearing a dark blue dress, playing a grand piano. She is looking down at the keys with a gentle expression. The piano is a dark wood with a music stand holding sheet music. The background is a sunlit room with a window showing greenery outside.

Ирина
Одарчук
Паули

Упрёк в изобилии, или Двенадцать способов услышать

Ирина Паули

Упрёк в изобилии, или

Двенадцать способов услышать

<https://litres.ru/73989913>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Упрёк в изобилии, или Двенадцать способов услышать» — роман-исповедь и художественный манифест композитора, пианистки и писателя Ирины Одарчук Паули. В центре повествования — женщина-творец, столкнувшаяся с резкой критикой за свою невероятную продуктивность: «Вы пишете слишком много. Где качество? Где отбор? Где страх перед чистым листом?». Вместо оправданий героиня превращает упрёк в композиционную ось нового произведения.

Двенадцать глав романа, выстроенные по принципу додекафонии, последовательно раскрывают двенадцать граней творческого метода: синтез академической классики и современной электроники, контрапункт музыки и литературы, природу вдохновения и ежедневной дисциплины, а также переосмысление критики не как приговора, а как темы для вариаций. Это история о том, как многогранность становится не расплывчатостью, а полифонией личности; как Бах встречается с джанглом, рояль — с нейросетью, а тишина — с новым смыслом.

Ирина Одарчук Паули Упрёк в изобилии, или Двенадцать способов услышать

Пролог. Звук, который был до тишины

Она смотрела на экран ноутбука: там, в звуковом редакторе, застыла волна. Слева — фрагмент органной мессы Букстехуде, справа — сэмпл лопнувшей струны, записанный на заброшенной сцене. Между ними — пустота, в которую должна была войти новая гармония.

Её звали Ирина. Не потому, что так зовут реального человека — нет, в этом романе она носит имя своего внутреннего мастера. Ирина Одарчук Паули — композитор, пианистка, писатель. Женщина, которую критики одновременно хвалили за смелость и упрекали в избытке.

Последний упрёк пришёл сегодня утром:

«Уважаемая Ирина, ваша продуктивность вызывает тревогу. Три опусы за месяц — это уже не творчество, а поток. Музыкальные произведения теряют качество, литературные тексты — глубину. Где бережность? Где отбор? Где страх перед чистым листом, который отличает профессионала от графомана?»

Она не ответила. Не потому, что обиделась — потому, что поняла: этот упрёк станет осью её новой работы. Не полемикой, а произведением.

Роман, который Вы держите в руках, — не защита. Это демонстрация. Двенадцать глав, как двенадцать тонов в додекафонии. Каждая глава — ответ на вопрос: можно ли быть многогранной без потери глубины?

Глава первая. Упрёк как повод

Место действия: Берлин, зал «Концертхаус», после премьеры её «Электро-симфонии №7» (посвящённой Перселлу и ритмам индастриал-дрона).

Она стояла у выхода, когда к ней подошёл известный музыкальный критик, седой, с лицом человека, который всё уже слышал и всё разлюбил.

— Ирина, — сказал он, даже не поздоровавшись. — У меня к вам серьёзный разговор.

— Я слушаю.

— В прошлом году вы написали: шесть крупных симфонических полотен, один роман («Шум дождя в до-мажоре»), два сборника стихов, камерную оперу «Цифровая Луиза» и двадцать три фортепианных миниатюры. В этом году — пока что четыре опуса и один роман в черновиках. Вы не боитесь, что качество падает? Что вы разбрасываетесь? Что вы не композитор и не писатель, а... конвейер?

Ирина помолчала. В голове у неё зазвучала тема — додиез минор, затем сдвиг на кварту. Она мысленно записала

эту фразу критика как остигато.

— Вы, наверное, любите Гайдна? — спросила она вместо ответа.

— Да, — растерялся критик.

— Гайдн написал 104 симфонии. И никто не говорит, что пятьдесят первая хуже из-за того, что перед ней было пятьдесят. Бах писал кантату каждую неделю. Моцарт — 27 концертов. Дело не в количестве, — она улыбнулась, — а в том, дышит ли каждая нота.

Критик ушёл. Ирина села в такси и записала в диктофон: «Глава первая: упрёк — это не приговор, это тема для фуги. Контрапункт первого голоса: "Вы пишете слишком много". Второго голоса: "Вы боитесь тишины". Моего голоса: "Я пишу ровно столько, сколько дышит мир"».

Так начался роман.

Глава вторая. Основа — классика, стены — инновация

В этой главе Ирина вспоминает своё обучение.

Она выросла на Гольдберг-вариациях. Её пальцы помнили клавиатуру рояля ещё до того, как научились держать ручку. Но однажды, в консерватории, профессор сказал: «Ты слишком много импровизируешь. Вернись к нотам».

Она вернулась. Но в тайне — в маленькой комнате с синтезатором Roland — она начала делать недозволенное: накладывать на фуги Баха минималистические петли.

Однажды это услышал однокурсник.

— Это кощунство, — сказал он.

— Это контрапункт эпох, — ответила она.

С тех пор Ирина выработала правило: прежде чем добавить электронику, изучи оригинал до последнего голоса. Она могла проанализировать мессу Палестрины так, что её профессор плакал. А потом — превратить ту же мессу в эмбиент-композицию, где голоса звучали как через воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.